

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в м. "Унионъ"
состоится
Анонсъ. состоится ТОЛЬКОВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ, помѣстѣ 6-го этажа

Марія Ивановна Долиной

концертъ

известной артистки.

восхитительнаго

Х. К. Акцери Л. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (50)

Июнь. 2003 год.

ТАЛАНТЫ
И ПОКЛОННИКИ

В этом году школа имени профессора П.С. Столярского отмечает 70-летие, Одесская консерватория — 90-летие. Сколько талантливых музыкантов дали они миру! Я думал об этом, о номере газеты, который хотелось посвятить всем им, когда в редакцию пришло письмо из Израиля:

"Уважаемые господа! В небольшом городке Бейт-Шемеш, что недалеко от Иерусалима, проживает бывший одессит Михаил Аронович Пархомовский. Одессу он покинул 14-летним подростком в годы войны, но считает себя коренным одесситом.

Ныне пенсионер, врач по профессии, кандидат медицинских наук, он, еще живя в Москве, издал широко известную книгу "Генерал Франции" (изд. "Московский рабочий", М., 1989, во втором, переработанном, издании — "Книга об удивительной жизни"). В этих книгах рассказывается о Зиновии Алексеевиче Пешкове, чье имя в СССР находилось под запретом. Пешков, приемный сын Алексея Максимовича Горького, родной брат Якова Михайловича Свердлова, прожил действительно удивительную жизнь. Изданию книг о нем предшествовала кропотливая исследовательская работа автора.

Живя с 1990-го года в Израиле, в Бейт-Шемеше, д-р Пархомовский продолжил — наряду с врачебной деятельностью — биографические исследования, организовал в Иерусалиме научно-исследовательский центр "Русское еврейство в зарубежье". Результатом работы центра явился выпуск девяти томов сборников статей, публикаций и эссе, в которых собран обширный материал о вкладе наших бывших соотечественников, в том числе и одесситов, в развитие как русской культуры в зарубежье, так и культуры тех стран, где они оказались. Михаил Пархомовский является составителем и издателем этих сборников. За эту работу он был признан "Человеком года" в 1997 — 1998 гг. биографическим центром в Кембридже (Англия) и в 1998 году — американским биографическим обществом (Северная Каролина, США).

В предисловии к последнему, десятому, тому сборников "Русское еврейство в зарубежье" (до пятого тома название было "Евреи в культуре русского зарубежья") Михаил Пархомовский предложил продолжить работу над подобными сборниками новым авторам, составителям и издателям, основываясь на географическом принципе, т. е. на месте исхода героев будущих статей и очерков, внесших заметный вклад не только в культуру, но и науку, технику, экономику, политику.

Одесса всегда славилась талантами своих жителей, которые, увы, слишком часто проявляли их далеко за ее пределами. Может быть, среди ваших читателей найдутся желающие продолжить исследования и издание сборников и книг о жизни и деятельности талантливых одесситов, волею судеб оказавшихся вдали от родного города.

Мери Шиф,
г. Бейт-Шемеш, Израиль".

Думаю, вся деятельность Всемирного клуба одесситов, тем более — издательская — ответ на это письмо, продолжение великого дела, осуществленного одесситом Михаилом Пархомовским.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

На уроке у П.С. Столярского.

Привет!
Вот вам (сайты) по-
гарок:
[http://pseudology.org/
babel/index.htm](http://pseudology.org/babel/index.htm)

А вот еще:
[http://pseudology.org/
Dovlatov/index.htm](http://pseudology.org/Dovlatov/index.htm)

Пока!
Pamex Bepacov
vergasov@pacbell.net

Uvazhaemij Leonid, ja byl
na vashem sajte.
Pozdravljaju vas za vseob-
shchee oformlenie sajta, za ego
jasnost' i tochnost'.
Boris Chernij (Franzija)
BCzernij@aol.com

Privet, Odessa!
Dorogie zemljaki, vot uzhe
2,5 goda, kak ja ne v Odesse,
proshu: pocelujte za menja
odesskuju zemlju i kin te
gorstochku peska v more.
Iskrenij odessit iz Berlina —
Aleksij.
illichevsk@web.de

SOS!!!
Dorogie odessity,
aborizeny i kosmopolity!
Ja dizajner, dizajnierny
restoran "Odessa" v Kie-
ve. On budet nedorogim —
bystroe pitanie. Vnutri
— odesskij dvornik, arhi-
naya tumba, zerkala, vsyaki
prikol.

Ho hotetsja prikolot'sja
еще БОЛЬШЕ!!!
Название "ресторан" —
скучно! Как по-одесски?
Нужны всякие картинки
и таржи знаменитых одес-
ситов!
Платьяна.
sing7@ukr.net

Всем привет!!!
Можно ли не влюбиться в
Одессу? Можно ли проехать
мимо этого города, не почув-
ствовав легкое покалывание
в сердце? Можно ли не ви-
деть в каждом доме, как
бы ветхих и цыган он ни
казался, жизнь, любовь, стра-
дание и радость его обита-
телей? Можно ли, вдохнув
аромат морского песка, не
почувствовать себя чайкой?
Нет, нет, нет, как ни ста-
райся — не получится. За-
крой глаза, защеми нос, за-
ткни уши — и таки ты по-
чувствуешь, что ты в Оде-
ссе: земля под ногами будет
жечь и источать ароматы
старинного города, энергетика
прекрасного будет чув-
ствоваться независимо от
сил и крепости брони.

Как этого не хватает...
И все-таки я твой, ОДЕС-
СА!!!

Авдий Ник.
atnick@rambler.ru
JCQ: 177448795

Здравствуйте!
Мне бы хотелось узнать,
как я могу попасть в ко-
манду одесского КВН.
С уважением,
ученик 11-А СШ № 122,
Дмитрий Чибисов.
gpaqa@renome-i.net

Уважаемые руководители
всемирного одесского клуба!
Дорогие одесситы!
Приветствую вас! Даю
песни одесские и псевдооде-
ские (мои), всегда близкие
по теме одесским. Буду рад
откликам.

С уважением,
Кирилл Ривель, автор
и исполнитель из СП-б.
rivel@peterlink.ru

ПАМЯТЬ

АНКА

Во времена, проходившие в на-
шем Отечестве под знаком культа
личности вождя, в семье одесси-
тов Ивио существовал свой соб-
ственный объект поклонения —
Всеволод Лебединцев, ученый-
астрофизик с душой артиста, по-
лиглот и журналист, революцио-
нер, казненный царским прави-
тельством в 1908 году. С него Ле-
онид Андреев писал героя "Рас-
сказа о семи повешенных" — Вер-
нера. В семье Ивио верили, что,
уходя из жизни в молодые годы,
Лебединцев оставил в наследство
родным и их потомкам свою не
исчерпанную до конца сущность.
Сестре Ольге, художнице-модель-
еру, достался его артистизм, ее
дочерям, появившимся на свет
уже в 20-е годы, — страстная
любовь к науке, бойцовские каче-
ства. Младшая, Ирина, обладала
математическими способностями,
старшая, Анна, готовилась откры-
вать тайны природы. В годы фа-
шистской оккупации обе, каждая
на свой лад, принимали участие в
Соппротивлении.

В школьные и студенческие го-
ды Одесская станция юных на-
туралистов была более любима

Аней, чем родительский дом с его
салонном мод. Лишенная кокет-
ства, по-мальчишески подвижная,
она презирала осаждавших ее
мать одесских модниц, которые, с
ее точки зрения, уделяли своей
внешности непозволительно мно-
го времени. Анка, как ее называ-
ли юннаты, рано поняла, что на ее
некрасивое лицо, угловатую фи-
гуру вряд ли кто-нибудь когда-ни-
будь обратит благосклонное вни-
мание и сердца человеческие ей
предстоит завоевывать умом. Бог
дал ей это оружие, притом до-
вольно острое, так что в восхище-
нии сверстников она не испыты-
вала недостатка.

Мироощущение Анки исключало
любое поклонение. Скептик по
натуре, она в душе осуждала да-
же своего дядю Всеволода — за
то, что позволил политике погу-
бить в себе ученого. Она и не по-
дозревала, что может повторить
его участь. Переворот в сознании
совершила война. По протоколам
допросов в СМЕРШе 3-го Украин-
ского фронта, которым Анка под-
верглась в июне — июле 1944 го-
да, это происходило примерно
так: "Войну с немецкими фаши-
стами в 1941 году встретила па-
нически. Временное отступление
частей Красной Армии рассмат-
ривала как результат неправиль-
ной политики партии... Приход к
власти немецко-румынских окку-

пантов встретила как неизбежное
зло... Видя те зверства, которые
творились в Одессе, считала не-
обходимым вести борьбу... Пыта-
лась узнать о коммунистах. Ос-
тавленные для работы коммуни-
сты оказались растапами... и я
пошла в ОУН" (дело № 7774 из
фонда прекращенных дел Архива
УСБУ в Одесской области).

7 июля 1944 года Военный три-
бунал 3-го Украинского фронта
приговорил Анну Витальевну
Ивио к 10 годам заключения в
ИТЛ с поражением в правах на
5 лет после отбытия наказания.
Одна из способнейших студенток
биологического и химического
факультетов, которой профессора
Одесского университета прочила
будущность ученого, завершала
"образование" в Воркутинских
лагерях в "должности" санитарки
лагерного лазарета. Там она
встретила любимого человека, с
которым ее вскоре разлучили. От
него родила дочку Надежду. В
письмах к родителям Анна умоляла
спасти ее девочку. И опытный
юрист Виталий Николаевич Ивио
сумел получить от властей разре-
шение на опеку над внучкой.
Он вылетел за ребенком в Ворку-
ту, но в Киевском аэропорту его
сняли с самолета, арестовали и
на десять лет отправили "за шпи-
онаж" в Тайшетские лагеря. Вско-
ре его отпустили — как негодного

к физическому труду. Видимо,
для органов госбезопасности по-
добный маневр был простейшим
способом не допустить спасения
рожденного в лагере младенца.

В день ареста отца от Ани в
Одессу пришла телеграмма: "Не
выезжайте. Надежда умерла".

10 октября 1957 года Военная
коллегия Верховного Суда СССР
реабилитировала Анну Виталь-
евну Ивио за отсутствием со-
става преступления: наконец-то
допрошенные свидетели под-
твердили, что листовки, которые
она распространяла, носили не
антисоветский, а антифашист-
ский характер.

После реабилитации Анка в
Одессе не прижилась. Сдав эк-
стерном в течение года экзамены
за полный курс медицинского
училища, она возвратилась в
Воркуту, работала сестрой милос-
ердия в местной больнице.
Умерла в одиночестве, вдали от
родных мест. Зато вблизи от мо-
гилы своей убитой лагерным ре-
жимом крохотной Надежды.

Следует признать, что Анка не
полностью повторила участь дяди
Всеволода. Ее не казнили. Про-
сто не дали родиться в ней уче-
ному. Просто покровосали мате-
ринское сердце. Но кто знает, ка-
кой из вариантов судьбы горше?

Вера ФАБИАНСКАЯ.

ЗВЕРСКАЯ НОЧЬ

Возвращали мы как-то с Олегом
Кудриным ночью павлинов в
зоопарк.

Да, было в нашей причудливой
карьере и такое тоже. Олег Куд-
рин — это мой многолетний друг и
коллега-соавтор. А вот зачем нам
понадобились павлины, сейчас
объясню.

Читатель наверняка долго еще
будет помнить, как вскоре после
начала Времени Больших Реформ
у нас появились многочисленные
трастовые фонды и инвестицион-
ные пирамиды. Да и как же читате-
лю их не помнить, когда в боль-
шинстве своем он потерял там
немалые деньги? Чего только сто-
или (в самом буквальном смысле)
три буквы "МММ"! А в Одессе са-
мой известной пирамидой, эдаким
одесским "МММ", был тогда фонд
"Элайс". Даже те немногие, у кого
хватило здравого смысла не нести
туда свои деньги, хорошо помнят
многочисленные очереди возле
"Элайса" — на углу проспектов
Шевченко и Гагарина.

Вот этот самый "Элайс" и решил
устроить в зале филармонии празд-
дник для своих клиентов. Устраи-
вать праздник были приглашены, в
том числе, и мы с Олегом. Пофан-
тазируя немного над сценарием,
решили провести вечер в восточ-

ном стиле сказок "Тысячи и одной
ночи". А для пушистого восточного
антуража договорились с бедство-
вавшим тогда Одесским зоопар-
ком о том, что уже на лестнице фи-
лармонии гостей будут встречать
живые павлины.

Вечер прошел удачно, павлины
вели себя хорошо: сидели смирно
и периодически распускали свои
чудесные хвосты-вееры. Закон-
чился праздник уже за полночь.
Ушли зрители; разобрали декора-
ции, проводили артистов и, на-
онец, рассчитались с нами за рабо-
ту. Так что, получается, мы да еще
Одесский зоопарк — это те не-
многие в Одессе, кто на "Элайсе"
не потерял, а чуть-чуть заработал.

Итак, ближе к трем часам ночи
мы — возле зоопарка. Должен вам
сказать, что ни до, ни после этого
раза бывать в зоопарке ночью мне
не доводилось. На выходе, где
днем у детей проверяют билети-
ки, стоял ночной сторож, а в глу-
бине, на территории зоопарка, не
было ни одного человека.

Но, оказывается, на ночь они
там сажают множество цепных со-
бак. Причем так, как лают, рычат,
хрипят, рвутся, бросаются на вас
эти псы — такого я не встречал ни-
где и никогда. И это при том, что,
несколько лет проработав инже-

ром-почвоведом в Одесской гид-
рогеологомелиоративной экспе-
диции, я объездил чуть ли не все
села юга Одесской и Николаев-
ской областей. Таких злых собак
нигде не видел! Быть может, все
это из-за соседства со всяким ди-
ким зверьем в клетках, не знаю.

И вот идем мы по ночному зоо-
парку вдвоем: мы с Олегом и зоо-
парковый орнитолог, хозяин пав-
линов. Павлины сидят у нас на ру-
ках тихо — наверное, уснули. Но
зато собаки с рыком, хрипом и ла-
ем кидаются со всех сторон, и
только цепи останавливают их в
двух — трех метрах от нас. Но псы
озлобленно рвутся с этих цепей и,
кажется, вот-вот от них освобод-
ятся и тут же растерзают нас на
мелкие кусочки.

— А бывает такое, чтоб какая-
нибудь собака с цепи сорвалась?
— спрашиваем мы нашего прово-
жатого орнитолога, чтобы он нас
ободрил и успокоил.

— Бывает! — уверенно отвеча-
ет он.

Идем дальше. Павлины, оказы-
вается, живут в самой глубине. Но
вот, наконец, мы на месте, павли-
ны водворены в свое помещение,
и только мы собрались в обрат-
ный путь, как орнитолог вдруг на-
чинает с нами прощаться.

— А чего, — говорит он. — До
утра всего пару часов, я уж как-
нибудь здесь перекачусь, ут-
ром все равно на работу. Вы иди-

те, вас там сторож на входе за-
помнил — выпустит.

Идем обратно уже вдвоем. Ощу-
щения жуткие: ночь, темно, и ото-
всюду на тебя с бешеным лаем
бросаются, гремя цепями, огром-
ные кудлатые псы. Действительно
страшно. Невольно начинаешь об-
суждать на ходу, что делать, если
какая-нибудь сволочь и в самом
деле сейчас сорвется с цепи.

— Ну, если что, я моментально
залезаю на ближайшее дерево! —
говорю я, благо лезть по деревь-
ям неплохо умею с детства.

— А я... А я... А я... — это, как вы
поняли, отвечает мне Олег. — А я,
как только какая-нибудь одна со-
рвется, тут же перепрыгиваю че-
рез этот забор! — показывает он
мне на довольно высокий забор.
Вдоль которого мы и идем.

И только он это произнес, как на
фоне бледно освещенного лунной
ночного неба без единого звука
из-за того самого забора, куда
только что собрался, спасаясь от
свиристых псов, прыгает Олег, под-
нимается... белый медведь...

...С нами была истерика. Мы не
просто смеялись, мы ржали, как
лошади Пржевальского из сосед-
него вольера! Ржали до самого
выхода, ржали на весь ночной
зоопарк. Не могу вспомнить точ-
но, но, по-моему, от такой неви-
данной нашей наглости замолча-
ли даже самые злые в мире соба-
ки Одесского зоопарка.

ПАПА СИМА

По паспорту его зовут Игошуа Ицкович Сима-
ров-Хусид. В разговоре его уважительно называют
Симон Исаевич. А за глаза, но при этом не менее
уважительно — Папа Сима.

Когда-то, еще до войны, Папа Сима в Одессе
пел куплеты. Но к тому времени, когда мне повез-
ло с ним познакомиться, он давно уже сменил од-
ну уникальную профессию, куплетиста, на другую,
не менее уникальную — прокатчика. Нет, нет, он не
прокатывал сталь или трубы, он прокатывал арти-
стов — организовывал их гастроли. А ведь времена
были еще глубоко советские.

С кем он только не работал! Как-то раз при мне
к Папе Симе на старческую грудь бросилась Со-
фия Ротару, вся в слезах от радости встречи. "Со-
ня, ну не надо! Ну, будет, Соня!" — успокаивал ее
Симон Исаевич.

За нас он взялся после телевизионного успеха
нашей команды КВН Одесского университета. А
прокатчиком он был экстракласса! Организация
гастролей происходила примерно так: "Куда мы
едем? В Нижневартовск?" Тут же снималась теле-
фонная трубка и набирался Нижневартовск. "Алло,
Нюма? Там к тебе приедут ребята..." И дальше все
шло уже само собой. Причем свой знакомый Нюма
был у Папы Симы в каждом Нижневартовске!

Или могло быть так: "Какой Кокчетав? Никакого
Кокчетав! Вы не знаете их Кокчетавской филармо-
нии! С ними нельзя иметь дело! Нет, если вы так
уже хотите в Кокчетав, я сейчас позвоню Фиме в Ку-
станай, и он вам сделает и Кустанай, и Кокчетав!"

При этом в свои "за семьдесят" быть стариком
Папа Сима отказывался категорически. Вот, на-

пример, прибыв в Махачкалу, мы стояли у окошка
гостиничного администратора и с раскрытыми па-
спортами заполняли анкеты для поселения в гостиницу.
Слева от Симона Исаевича стоял Вова
Авербух (или просто Бух, как все мы его звали), а
справа встала заполнять свой бланк Наташа Пру-
довская. И тут Папа Сима зашипел Буху страшным
шепотом: "Вова, иди, стань от меня с той сторо-
ны!" Бух сначала не понял, потом удивился. "Вова,
я тебе говорю — перейди от меня на ту сторону!"
Пожав плечами, Бух встал между Папой Симой и
Наташей. Через минуту, когда Наташа отошла, Папа
Сима бросил Буху: "Просто я не хотел, чтобы
она видела, что я 13-го года рождения".

В другой раз — в Архангельске — тогда еще моло-
дой, горячий и не очень умный, но зато, как теперь
говорят, "продвинутый" Эдик Неделько решил пошу-
тить и вызвал в гостиничный номер к Папе Симе ка-
ких-то проститутку. Девочки пришли. Эдик стоял в
коридоре в предвкушении скорой и скандальной
развязки. Ждать пришлось долго. Часа полтора —
два. Наконец, девочки вышли. Папа Сима, улыбаясь,
проводил их до лифта. При этом явно довольный
остались все стороны, кроме проторчавшего два ча-
са в коридоре разочарованного Эдика Неделько.

Итак, Папа Сима старался не обращать вни-
мания на свой почтенный возраст, но на это всеми
силами обращала внимание его семья. Жена,
дочь, зять и более дальние родственники считали,
что Папа Сима давно пора отдохнуть, что в таком
возрасте хватит уже разъезжать по этой стране от
Ужгорода до Петропавловска-Камчатского, а да-
вно уже надо ехать в другую страну и брать при
этом билеты только в один конец. Папа Сима про-
тестовал, но, во-первых, их было больше, а во-
вторых, вода камень точит.

И вот мы уже провожаем Папу Симу на Оде-
ском вокзале. Какие-то молодые дамы вопя-

"Симаров, как же мы тут без вас?!" Жена шепчет
Папе Симе на ухо: "Опять эти твои поклонницы!" И
Папа Сима вместе с поездом в несчетный, но те-
перь уже, наверное, последний раз трогается из
родной Одессы. Трогается в Нью-Йорк, на пенсию.

...И вот семья уже какое-то время живет в Нью-
Йорке. И вот уже зять Папы Симы Эдик Каменец-
кий — известный раньше в Одессе автор и испол-
нитель — имеет в Америке хорошую работу. И
даже решает вместе с приятелями организовать
свой самостоятельный театр для эмигрантов.
Для будущего театра заказываются костюмы. И
Папа Сима просит зятя: "Эдик, пошей мне тоже ко-
стюм!" — "Симон Исаевич, зачем вам?" — "Ну, по-
шей!" Старик долго настаивал, и костюм был сшит.

Идет время. Суровы будни американской дей-
ствительности. И не всегда у Эдика Каменецкого
так хорошо с работой. И все реже вспоминает он
об идее театра. Зато уехавший в Америку на
отдых Папа Сима в новом концертном костюме вы-
ступает перед пожилыми одесскими эмигрантами
практически регулярно. Выступает, собственно,
перед теми, перед кем выступал всю жизнь. И, как
всю жизнь, неплохо кормит семью.

Как-то и нашей команде КВН довелось побывать
в США. Конечно же, мы пригласили на наш концерт
и Папу Симу. Прошел концерт замечательно, наши
эмигранты — вообще очень благодарная публика.

После концерта Папа Сима пришел к нам за ку-
лисы и молча сел на стул. Повисла пауза, которую
он выдержал профессионально. "Ну что, Симон
Исаевич, что вы скажете?" — не выдержали мы.
"Что я скажу? — медленно повторил Папа Сима. —
Вас еще можно прокатывать". И это было для нас
самым высшим из всех возможных комплиментов,
рецензий и оценок!

Всеволод ЛЮМКИС.

КРУГЛЫЙ ЮБИЛЕЙ «ШКОЛЫ ИМЕНИ МЕНЕ»

Свое семидесятилетие со вкусом справляет знаменитая Одесская специальная музыкальная школа, основанная в 1933 году по инициативе выдающегося педагога-скрипача Петра Соломоновича Столярского. Когда-то ее основой послужила Государственная студия музыкального воспитания детей, созданная на базе частной школы Столярского, который и стал ее первым директором и ведущим преподавателем. С тех пор здесь не устают следовать его главным педагогическим принципам, то есть не устают искать и поощрять к занятиям музыкой талантливых детей, выявлять яркие индивидуальные качества, развивать художественный вкус и артистизм, воспитывать музыкантов-виртуозов концертного масштаба. И педагогический опыт Столярского, с чисто одесской непосредственностью провозглашавшего ставшую легендарной фразу: "Это будет школа имени мене", — давал такие блестящие результаты. Выпускники тридцатых годов принесли одесской скрипичной школе европейское признание, достаточно вспомнить хотя бы имя Давида Ойстраха. Одновременно со струнным классом был открыт класс фортепиано, основателями которого стали выдающиеся педагоги Старкова, Рыбicka, Рейнгальд.

А в тех же тридцатых годах началось строительство здания школы на Сабанеевом мосту — по проекту архитектора Троупянского. Это здание после войны пришлось почти целиком заново отстраивать. Сменялись поколения блестящих музыкантов, выпускников "столярки", как называли школу в профессиональных кругах. В 50 — 70-е годы покорили концертные залы многих стран Роза Файн, Валерий Климов, Семен Снитковский, Дора Шварцберг, Елена Бучинская (класс профессора В.З. Мордковича), Михаил Вайман, Александр Винницкий, Павел Верников (класс Л.В. Мордковича), Михаил Легоцкий, Евгений Могилевский (класс С.Л. Могилевской), Борис Блох (класс Е.В. Левинзон), Людмила Марцевич (класс профессора Е.В. Ваулина) и другие "звезды" отечественной исполнительской школы. Многие из этих музыкантов периодически дают бесплатные концерты для нынешних учеников школы и опять-таки бесплатно выступают на

юбилейном концерте в рамках фестиваля "Белая акация".

Сегодня "школа имени мене" — это крупное учебное заведение, где куются таланты всей страны.

Здесь работают четыре специальных цикла: фортепианный, струнно-смычковый (скрипка, виолончель, альт), духовых инструментов (труба, флейта, гобой, кларнет, фagот, валторна, тромбон), ударных инструментов и музыкально-теоретический. К тому же маленькие "столярики" получают общее среднее образование в рамках школьной программы, участвуют в разных ансамблях, оркестрах, хоре, совершают концертные поездки, гастролируют в других учебных заведениях. В последние годы в школе работает подготовительное отделение, чья деятельность базируется на авторской методике заместителя

директора по спецциклу и одновременно президента Фонда имени П.С. Столярского Татьяны Юрьевны Марковой. В настоящее время на этом отделении обучаются 53 ребенка (в первый класс набирают 40 учеников), а к началу вступительных экзаменов добавятся также "дети со стороны". Это означает, что обучаться здесь по-прежнему престижно и интересно.

САМОЕ ГЛАВНОЕ — ДЕТИ

— Каждый учебный год мы называем огромное количество талантливых ребят, которые успешно выступают на различных конкурсах, — рассказывает директор школы Евгений Леонидович Лысюк. — Но дело даже не в конкурсах как таковых, а в творческом росте, не всегда конкурс является мерилом мастерства. Есть дети, которые по каким-либо причинам сегодня на конкурсы не выезжают, не все педагоги считают, что их ученики должны вести активную конкурсную деятельность. Если говорить о престижных конкурсах в масштабах нашей страны, в начале апреля в Донецке проводился конкурс "На родине Сергея Прокофьева". Конкурс ежегодный, очень популярный, и наши ребята прекрасно проявили себя на нем. Вторую премию получила Танечка Сельникова, ученица четвертого класса, замечательная девочка. Ее педагог — Заслуженный артист Украины Феликс Исаевич Любарский. Третью премию получила шестиклассница Олечка Задорожнюк (класс профессора Галины Всеволодовны Поповой). Очень хорошо выступила Лена Перевертень (класс преподавателя Ирины Львовны Дидушок), у нее также третья премия. А на всеукраинском конкурсе исполнителей на струнных инструментах, состоявшемся в марте во Львове, ученик доцента Павла Григорьевича Купина, мой, кстати, сын Саша Лысюк получил Гран-при и первую премию в группе виолончелей. На конкурсе альтов третью премию получил Станислав Сугдеев. В конце

прошлого года на конкурсе "Горовиц-дебют" та же Оля Задорожнюк получила вторую и две третьих премии. Сегодня группа ребят уехала на международный конкурс "Синяя птица" в Симферополь, наверняка без призов не обойдется...

Идя навстречу своему юбилею, школа имени Столярского провела ряд концертов ведущих преподавателей, сольные оркестры учеников с камерным оркестром Виктора Молдавского, восьмичасовой фортепианный марафон, проводившийся в двух залах с участием всех желающих. Надо сказать, ребята здесь развиваются не только как исполнители, но и как композиторы, хотя с 1996 года ввиду невозможности финансирования курс композиции из учебных планов изъят. По собственной инициативе одесские композиторы Юлия Гомельская, Людмила Самодаева, Алена Томленова занимаются с одаренными детьми, а результатом становятся награды за лучшие сочинения. Практика показывает, что хорошие исполнители делают успехи и в сочинительстве. Так, Алеша Галл, Марьяна Бродская, брат и сестра Алеша и Наташа Рябенко помимо концертов пишут дуэты и трио для различных инструментов с фортепиано и, по собственному признанию, всегда стремились понять, как же профессиональным композиторам удастся писать музыку, которую затем исполняют в концертах музыканты.

К сожалению, фонотека и нотная библиотека школы в последнее время пополняются почти исключительно за счет педагогов, покупающих на свою скромную зарплату дорогостоящие новинки и делающих их доступными для ребят. Вот вам

и претворенный в жизнь знаковый по прошлым годам лозунг: "Все лучшее — детям"...

ЧТО ЗА ЖИЗНЬ БЕЗ "СТЕЙНВЕЙ"?

Давние творческие связи существуют у школы имени Столярского с Бернской консерваторией в Швейцарии. А в марте нынешнего года группа учеников, среди которых были уже названные Оля Задорожнюк, и Марьяна Бродская, а также Сережа Никитюк и другие талантливые ребята, дала серию концертов в Берне, причем с большим успехом. Сбор от этих концертов (обычно сдержанные бернцы аплодировали стоя) пошел на приобретение рояля фирмы "Стейнвей". Создан специальный фонд, куда делали взносы Бернская консерватория, другие доброжелатели. Скоро "Стейнвей" окажется в школе, он станет вторым в городе после подаренного филармонии губернатором Сергеем Гриневецким. Совместно с руководством Бернской консерватории (название "консерватория" в данном контексте означает такую же специализированную десятилетку, как и школа Столярского) одесситы готовят еще ряд концертных проектов. Наверное, самым главным аспектом в учебном процессе, несмотря на наличие или отсутствие дорогих и качественных инструментов, является личность педагога по специальности. В школе есть феноменально переданные своему делу люди. Первый год, как вышла на пенсию Ирина Николаевна Балашова, воспитавшая плеяду прекрасных пианистов. До сих пор работает Евгения Петровна Ставицкая, очень плодотворную работу ведут педагоги-пианисты Павел Павлович Бутовский, Татьяна Николаевна Фомина.

Более двадцати лет работает в школе педагог-струнник Зоя Петровна Мерцалова, первая учительница знаменитого ныне Юрия Башмета, который учился у нее во Львове. Перечислять имена прекрасных педагогов можно очень долго, со множеством не менее прекрасных эпитетов. А самим преподавателям не терпится назвать имена своих любимых учеников. Нам удалось послушать квартет учеников-лауреатов международных конкурсов, в котором первую скрипку играет Сережа Майборода, вторую — Яна Шарапановская (оба учатся в классе Зои Мерцаловой), партию виолончели исполняет Саша Лысюк (класс Павла Купина), а партию фортепиано — Наташа Галчанская (класс Ирины Красновой). Играли ребята замечательно, и неслучайно — ведь готовились к юбилейному концерту в честь 70-летия своей любимой школы.

Мария ГУДЫМА.
Фото Олега Владимирского.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ ИГОРЯ ЦВИГУНЕНКО

СЕМУ МЕСТУ НЕ БЫТЬ ПУСТУ

Казалось бы, зачем Одессе новые музеи? Да вот жизнь не стоит на месте, старых стало не хватать... И потому сегодня мы с Андреем Олеговичем Добролюбским, археологом, доктором исторических наук, профессором Южноукраинского государственного педагогического университета, открываем новый. Без шумных торжеств, без официоза. Просто прогуливаемся среди четырех витрин со скромным, на взгляд дилетанта, зато по сути бесценным содержимым.

— Студенты историко-филологического факультета сами выкапывают эти находки, сами их обрабатывают, — поясняет Добролюбский. — Причем делают это на достаточно академическом, если можно так выразиться, высокопоставленном уровне, потому что у нас очень хорошие научные консультанты. Каждое поколение воспитывает следующее, факультет существует уже восьмой год, здесь две кафедры — всемирной истории и истории Украины. Но в данном случае мы не слишком эти кафедры разделяем, поскольку античный памятник и крупный древнегреческий город находится на территории Украины, принадлежит к ее истории, и истории всего мира. По нашим подсчетам, более древнего города на территории нашей страны не существует!

А еще говорят, что Одесса — город молодой! Но ведь неслучайно будущие одесситы екатерининских времен выбрали для своего города то оптимальное место, на котором свыше двух тысячелетий назад процветал его античный предшественник. Свято место пусто не бывает. На материалах музея археологии Одессы, находящегося в одном из кабинетов историко-филологического факультета Южноукраинского педуниверситета имени К.Д. Ушинского, уже написано немало книг, море статей, сейчас готовится кандидатская диссертация. Ее автором станет Андрей Красножон — историк, археолог, написавший серию научных и публицистических трудов, аспирант педуниверситета, почетный стипендиат Президента Украины, сотрудник Института древней географии, координатор научного проекта "Мир — зеркало для Молдовы".

Новосозданный музей имеет статус университетского, то есть более высокий, чем тот, которым обладает обычное собрание произведений искусства, находящееся в ведении Министерства культуры. Это одновременно и образовательное, и научно-исследовательское учреждение. В числе первых экспонатов, вырытых в черте города членами студенческой экспедиции под предводительством Добролюбского, — осколки древнегреческой посуды, датированной ни много ни мало шестым веком до нашей эры. Аналогичные остатки амфор, по утверждениям ученых, в изобилии находятся под Приморским бульваром, с территории которого когда-то началась греческая колонизация нашего края.

Одесский археологический музей, знакомый каждому горожанину с детства, обладает экспонатами, собранными со всего региона, но собранное исключительно на территории Одессы присутствует только здесь.

Студенческая археологическая практика оказалась связанной с массой научных открытий. Как правило, в июле начинаются раскопки участков, заподозренных в наличии культурного слоя. Это не всегда легко удается, копая в условиях городской застройки сложно, но ради благого дела изыскиваются возможности, приемлемые варианты. Если

обратиться к опыту археологических исследований в других городах, можно заметить, что даже при не прекращающейся веками перестройке сохраняется до тридцати — сорока процентов древнейших культурных напластований. Такова ситуация, например, в Лондоне, где строительство велось не всего два века, как в Одессе, а гораздо дольше, к тому же менялась планировка городских кварталов в исторической части. Так что перспективы археологических исследований в нашем городе — обнадеживающие.

И заинтересованы в этих исследованиях молодые люди, их производящие. Уже названный нами Андрей Красножон впервые появился на раскопе, еще будучи школьником — после того как увидел сюжет об экспедиции Добролюбского по телевидению. Увлеченный, поступил на историко-филологический факультет и вот-вот станет кандидатом исторических наук.

— Мы выкопали ничтожную часть того, что находится в древних культурных слоях, буквально доли процента, — добавляет Андрей Добролюбский. — Но эти доли процента дали результат в виде книг, которые стали учебниками. По международному рейтингу самый высокий класс любого учебного заведения заключается в том, что студенты обучаются на учебниках своих преподавателей. Процент учебников, принадлежащих авторству преподавателей нашего факультета, очень высок. Два учебника, в частности, написаны моей дочерью Юлией, заведующей кафедрой всемирной истории.

— Раскопки, производимые нами в течение семи последних лет, были настолько эпизодическими, при всей своей высокой результативности, что Приморский бульвар, по сути, на 99 процентов не раскопан, — говорит Андрей Красножон. — А это территория, под которой находятся остатки античного города. Не говоря уже о территории в районе угла улиц Екатерининской и Дерибасовской, где в прошлом году мы делали новую шурфовку. В этом месте, возможно, до основания Одессы располагалось средневековое кладбище. Сохранились документальные свидетельства первооткрывателей одесских домов о том, что здесь при земляных работах были найдены пережившие гробы с останками людей. Предположительно, захоронения были сделаны еще в домусульманский период — средневековыми христианами. Во дворе бывшего дома Вагнера мы пытались найти это кладбище, на пока не успели углубиться настолько, чтобы дойти до средневекового слоя. А периферийные районы, например, Жевахова гора, где сохранилось античное поселение с курганом-могильником, или Люстдорф, где имеются остатки двух античных поселений? Работы еще очень много, возможно, в будущем в Одессе появится целая археологическая школа, работающая только на этой территории.

Каждая экспедиция обогащает науку археологию новыми знаниями, которые в развитых странах преподавались бы как сенсация. Одна находка дополняет другую. Так, найдя остатки античного города, археологи обнаружили турецкую крепость восемнадцатого века, расчищая которую, нашли крепость четырнадцатого века, основанную, в свою очередь, на более ранних остатках. Случайно были обнаружены еврейские надгробья, атрибутированы генуэзская колония Гавань Истриан...

Было ли вообще время, когда на территории нынешней Одессы никто не жил?

Сегодня можно с точностью утверждать, что здесь присутствуют следы пребывания античного человека — начиная с шестого века до нашей эры вплоть до четвертого века нашей эры. Впоследствии наблюдается перерыв вплоть до четырнадцатого века (но это не означает, что новые находки никогда не будут относиться к этому периоду). А дальше здесь была генуэзская колония, через которую Эллада транспортировала вино и пшеницу. О стационарном поселении говорить не приходится, скорее — о стоянке. После ухода Генуи из Северозападного Причерноморья в начале пятнадцатого века исторические источники отмечают литовскую колонию, которая вела торговые пути между Турцией и Польшей. Утверждают, что на территории современного Одесского залива находился замок Коцюбиев, также литовские замки были в районе Очакова, села Маяки, на ряде переправ Южного Буга и Днепра. Следующий период — турецкий, озаглавленный постройкой крепости Хаджибей в 1765 году. О причерноморских казаках и основании Одессы во времена императрицы Екатерины Второй мы знаем значительно больше. Однако хотелось бы надеяться, что в результате археологических исследований когда-нибудь будет написана полная история этой удивительной земли, пропитанной энергетикой многих поколений, живших на ней.

Интересно, что основатель Одесского археологического музея (в то время он назывался музеем истории и древностей) Иван Павлович Бларамберг, один из самых высоких чиновников Одессы первой половины девятнадцатого столетия, жил в не сохранившемся до наших дней доме, расположенном как раз в том квартале, где сегодня находится историко-филологический факультет (Канатная, 8). Именно в своей квартире до открытия в 1825 году археологического музея Бларамберг хранил находки, ставшие впоследствии основой экспозиции. Стало быть, есть нечто даже мистическое в том, что на этом же месте возникает музей археологии Одессы. Будем надеяться, со временем он станет столь же известным во всем мире университетским музеем, как и палеонтологический музей ОНУ имени И.И. Мечникова.

— Я надеюсь, именно так и будет, ведь палеонтологический музей тоже начинался с нескольких косточек, найденных группой энтузиастов, — улыбается Добролюбский. — Тут мы имеем дело с тем, что Аристотель называл эмпилией — сохраняющейся в мертвой культуре духовной энергией. Это место бесконечно воспроизводится, Одесса зиждется на духовной энергии, в первую очередь, античных людей. Те четыре витрины, которые вы видите, это вершина айсберга, со временем мы эффектно разместим все наши находки, и шуточки ради мы поместили в одну из витрин современную находку, обертку от "Сникерса"...

Шутки шулками, но когда-нибудь студентам будущего придется раскапывать наш с вами "культурный слой", строить догадки, предположения, понимать даже те аспекты, которые не отражены в письменных источниках, глядя на остатки посуды и прочих предметов быта. В этом нет ничего пугающего — жизнь продолжается: Одесса готовит обед, бьет посуду и покупает новую, питая своим неистребимым духом благословенную землю, на которой стоит.

Галина МАРИНИНА.

Фото Олега Владимировского.

В Украинском музыкально-драматическом театре имени В. Василько состоялась премьера гоголевского "Ревизора". Обращение к бессмертной комедии закономерно: ее проблематика актуальна во все исторические эпохи, а характеры — всегда узнаваемы. "Ревизор" — поистине неисчерпаемый источник возможностей для постановщиков и исполнителей.

В Одессе "Ревизор" "прописался" в 1837 году, когда комедию сюда впервые привезла труппа Ерохина, в которой работал великий Михаил Щепкин. Одной из лучших работ Щепкина был Городничий. Это отмечал сам Гоголь. Успех Щепкина в полной мере разделял в спектакле молодой украинский артист Карп Соленик в роли Хлестакова. Спектакли проходили при аншлагах на сцене Городского театра. На протяжении всего действия не смолкали смех и аплодисменты. Из Одессы труппа Ерохина выехала в Вознесенск, где "Ревизора" специально играли для императора Николая I, приехавшего в этот южный городок на военные маневры. Среди зрителей был высший генералитет, генерал-губернатор Новороссии М.С. Воронцов, другие государственные чиновники, помещики из окрестных сел. Успех был потрясающим, о чем сообщал читателям "Одесский вестник".

С сороковых годов XIX века в наш город регулярно приезжают русские драматические труппы. Великая комедия в их репертуаре постоянно.

В 1871 году в Одессе был открыт первый в России Народный театр, куда зритель мог попасть за очень небольшую плату: билеты стоили от пятидесяти копеек до четырех рублей. Первыми в его репертуар вошли "Гроза" А. Островского, "Ревизор" и "Женитьба" Н. Гоголя. Примечательно, что спектакли по русской классике по воскресеньям шли в дневное время и нередко предваралялись вступительным словом об авторах. Такая просветительская форма позволяла приобщать к серьезной драматургии учащуюся молодежь, которая составляла большинство зрителей на дневных спектаклях. Народный театр просуществовал недолго, но оставил яркий след в истории города.

На протяжении последней четверти XIX и в начале XX века в Одессе не было постоянной драматической труппы. Попытки создать ее терпели поражение. Однако гастролеры, а среди них были лучшие творческие силы Российской империи, приезжая в Одессу, всегда очень внимательно относились к репертуару, зная, что легковесная, малохудожественная драматургия у взыскательной одесской публики "не пройдет". Поэтому часто привозили классику и, конечно, "Ревизора".

В 1908 — 1909 годах впервые созданную в Одессе русскую драматическую труппу возглавил известный режиссер К. Марджанов. Наряду с другими спектаклями по русской классике он осуществил постановку "Ревизора", которая была признана критикой удачной.

С рождением украинского национального театра пьесы Гоголя и инсценировки его прозаических произведений занимают в репертуаре заметное место. В середине восьмидесятых годов XIX века труппа М. Кропивницкого на сцене одесского Мариинского театра показала "Ревизора", в котором сам Марк Лукич сыграл Городничего. В Одессе спектакль прошел свыше двадцати раз, что по тем временам было показателем большого успеха.

Блистательным исполнителем роли Городничего был Мыкола Садовский. Спектакли с его участием шли в Одессе в 1907 году. Один из критиков писал, что созданный Садовским образ "отражает лицемерие, бездушные и хамство, царящие практически

во всех государственных учреждениях". В спектакле Садовского Городничий был самой мощной фигурой. Поэтому его ошибка — принятие Хлестакова за чиновника из Петербурга — выглядела на редкость смешной: мол, чего у страха глаза велики! Великолепно играл Хлестакова в этом спектакле Иван Марьяненко. В мемуарах он пишет: "Передо мной, актером, привыкшим преимущественно к героическим ролям, повышенным страстям, широкому жесту, твердой поступи и казацкой одежде, стояла весьма сложная задача. Нужно было... сыграть наряженного в случайно уцелевший фрак "свистульку", существо с мелкой душонкой и мелкими жестами, столь же ничтожными, как ничтожна сама жизнь Хлестакова..." Спектакль труппы Садовского получил у современников очень высокую оценку. Отмечались оригинальная режиссура, выразительность и ансамблевость актерской игры, острый сатирический пафос комедии.

В 1917 году в Одесском военном-народном театре — он просуществовал всего несколько месяцев — бывший актер и режиссер Московского художественного театра А. Загаров по-

"большой литературы" стал отвыкать. И все же хочется верить, что мы уже пережили период увлечения модными "однодневками" (которые, увы, не только не украсили театральную афишу, но и кассового успеха не принесли) и театры — не только Украинский — всерьез обратились к произведениям, проверенным временем, а главное — при наличии оригинального угла зрения готовы говорить о нас, сегодняшних, опираясь на немеркнувшее классическое наследие. Украинский театр уже доказал это "Принцессой Брамбиллой" по Э.Т.А. Гофману, спектаклем "Щастя поруч" по пьесе И. Франко "Украдене щастя". Теперь — Гоголь.

Несомненно, главным достоинством спектакля, который поставил киевский режиссер Юрий Одинокий, является то, что он получился живым. Ю. Одинокий попытался выйти за рамки хрестоматийного восприятия гоголевской комедии, придумал оригинальную форму спектакля, в котором наряду с известными персонажами действует... нечистая сила. Ход — гоголевский, возможно, скорее даже гоголевско-булгаковский, ибо в роли демона выступает вполне земного вида Осип, взаимоотношения которого

Игорь Ильинский — каждый в своем роде — создавали характер выпуклый, яркий, многоплановый. Неудивительно, что в спектаклях с их участием именно Хлестаков был в центре внимания. Кстати, "отождествление" Хлестакова и чиновника из Петербурга, появляющегося в финале, было и раньше. Например, в 1921 году так трактовал финал комедии известный в то время петроградский режиссер Игорь Терентьев.

Спектакль в Украинском театре имени В. Василько, в первую очередь, об инкогнито из Петербурга. О вольном или невольном возмутителе спокойствия, нарушившем устоявшиеся взаимоотношения между жителями провинциального городка. Но "возмутитель" — личность жалкая, ничтожная, лишенная элементарных нравственных основ. Ради того, чтобы "срывать цветы удовольствия", он готов на все — в том числе и на договор с нечистой силой. И в этом отношении версия режиссера возражений не вызывает. Если беда нашего времени — девальвация понятий чести, долга, моральной ответственности, то Хлестаков, равно как и чиновники во главе с Городничим, в том или ином виде

Оба исполнителя роли Хлестакова по-своему интересны. Арт. Евгений Юхновец обнаруживает в своем герое зияющую пустоту. Ни мнения, ни принципов, ни взглядов — одни желания, да и то — примитивные, мелкие. Это подчеркнуто верно найденным пластическим рисунком роли: Хлестаков Е. Юхновца мало что бездуховен — он еще и внешне кажется каким-то бестелесным. Несколько иначе играет "инкогнито из Петербурга" Сергей Деревяно, но и здесь все выглядит оправданным: и бравада, и наглость, и презрение к тем, кто вершит судьбы в уездном городе. Неясно в спектакле, на каких началах существует взаимосвязь Хлестакова с Осипом (арт. Павел Шмарёв). То ли Осип олицетворяет силу, управляющую Хлестакковым или, наоборот, подчиняющимся ему? А может, то и другое: этаким упрощенный вариант Мефистофеля, создающего острые ситуации и одновременно подыгрывающего доморощенному российскому Фаусту?..

И, наконец, Городничий. В начале спектакля он кажется недостаточно выразительным. Он одновременно озабочен и растерян. Нет в нем той твердости заматеревшего хищника, который прошел огонь и воду, хорошо знает, как поступать в подобных ситуациях. По-настоящему личность Городничего (арт. Василий Яковец) проявляется во второй части спектакля, когда в чиновном рабе просыпается господин, учувший запах уже не маленькой, а большой власти, которую сулит брак дочери и крупного петербургского чиновника, за которого он принимает Хлестакова. В. Яковец глубоко подчеркивает, насколько Городничий ничтожен в своем представлении о высокой власти: этаким гусь в генеральской шинели с гармошкой в руках...

В подходе к материалу, в стремлении максимально использовать его комедийный потенциал, в умении фантазировать постановщик спектакля, несомненно, во многом оказывается на высоте. И все же в работе Юрия Одинокого ярко проявляется то, что присуще современной молодой украинской режиссуре: найдя яркое, оригинальное общее решение, придумав свою версию, она мало заботится о проработке деталей, сведения "концов с концами". Такой подход не всегда дает возможность глубоко осмыслить свое место в спектакле некоторым исполнителям и центральных, и эпизодических ролей. Предоставленные себе, они начинают импровизировать — не всегда удачно, а это волей-неволей разрушает ансамбль. "Ахиллесовой пятой" для многих молодых является неумелое использование музыкальных возможностей современного театра. В "Ревизоре" Ю. Одинокого много музыки, но она невыразительна, монотонна, зачастую откровенно иллюстративна (музыкальная версия — А. Курия). Налицо несовпадение художественных принципов сценографии и костюмов, что создает эклектику, но никак не работает на создание единого художественного образа спектакля (сценография О. Лунева, костюмы И. Куц).

На первых показах "Ревизора" в зале было много молодежи. Она очень хорошо воспринимала спектакль, смеялась, аплодировала. В принципе, уже это одно можно считать убедительной победой театра, создавшего в целом живой, современный по духу спектакль. Но все-таки — возможно, по старинке — хочется задать извечный гоголевский вопрос: "Чему смеетесь? Вам не страшно, что Хлестаков, Городничий со своей командой — преждемудры среди нас?" — "Ну и что? — скажет один из молодых зрителей. — Откуда вы знаете, что мы не сильнее их?"

Так ли это — покажет время. Дай-то Бог!..

Роман БРОДАВКО.

ЧЕМУ СМЕЕТЕСЬ?

ставил "Ревизора", а также "Разбойников" Шиллера. Спектакль по Гоголю был отмечен рецензентами как удачный.

На сцене Одесской держидрамы (ныне — театр имени В. Василько) "Ревизор" дважды ставили в довоенный период. В 1926 году режиссер М. Тинский осуществил постановку гениальной комедии с Иваном Замычковским (Городничий), Юрием Шумским (Хлестаков), Лидией Мацневской (Анна Андреевна) и Екатериной Загорянской (Марья Антоновна). Спектакль вызвал огромный зрительский интерес и вошел в историю как одно из лучших прочтений "Ревизора" на украинской сцене. Замычковский и Шумский принимали участие и в поставленном режиссером И. Юхименко в 1933 году спектакле, который также пользовался успехом.

На сцене Одесского русского драматического театра "Ревизор" впервые был поставлен в 1952 году режиссером А. Солонмарским. Спектакль был посвящен столетию со дня смерти Н. Гоголя. Успех во многом определило мастерство двух исполнителей центральных ролей: М. Лярова (Городничий) и Л. Маренникова (Хлестаков). Критика отмечала как удачные роли, сыгранные Н. Динтан (Анна Андреевна) В. Предаевич (Марья Антоновна), Я. Заславским (Осип), В. Маккавейским (Шпекин).

В 1989 году постановку "Ревизора" в Русском театре осуществил режиссер В. Стрижев. Спектакль шел в хорошем темпе, в нем было много выдумки, смешных эпизодов, но сатирического пафоса не было, да и навряд ли он был нужен в эпоху воинствующей гласности. А вот сказать, что с наступлением новых времен мало что изменилось, режиссер, по-видимому, не захотел или не сумел. В спектакле привлекали яркие актерские работы О. Школьника (Городничий), С. Дубровина (Хлестаков), Н. Дубровской (Анна Андреевна), И. Курочки (Марья Антоновна).

И вот "Ревизор" вернулся в Одессу. Еще до премьеры, которая состоялась в апреле, в околотеатральных кругах можно было услышать: "Зачем это нужно? Кто сегодня пойдет на него?" Ничего удивительного в этих вопросах нет. Город, к сожалению, от

с Хлестаковым начисто лишены какой бы то ни было дистанции "хозяин — слуга", они вполне дружеские: этакие веселые, упивающиеся своими сверхчеловеческими возможностями молодые люди, которые резвятся среди суестьих, чего-то боящихся, перед кем-то раболепствующих человечков. Правда, эта фантазмагория не всегда стыкуется с ситуациями комедии, но, по-видимому, режиссера это не очень волнует. Ему важен процесс игры, в которой раскрываются характеры, обнаруживается их суть. Ясно, что для него классическая комедия — не догма, а только добротная основа для создания своей постановочной версии. Пожалуй, главным достоинством ее является то, что постановщик сохранил пафос комедии. Происходящее на сцене вызывает у зала ответную реакцию: он смеется, живо реагирует на гоголевский текст и его прочтение театром. Безусловно, интересным и оправданным оказывается прием, когда Хлестаков и Осип говорят по-русски, демонстративно "акая", а все остальные персонажи — по-украински. Это — абсолютно по-гоголевски. Ведь Гоголь — писатель, одновременно принадлежащий и русской, и украинской культуре, сам прибегавший к сочному двуязычию в своих повестях. Двуязычие позволяет в равной степени продемонстрировать ничтожество "фитюльки" из Петербурга и убожество лихорадочных обывателей из "глубинки". Интересным является решение финала комедии, когда чиновником из столицы, "настоящим ревизором", оказывается все тот же Хлестаков. Правда, ход этот — не новый...

Коль скоро в самом начале мы коснулись прошлого, то, думаю, будет уместно попытаться определить, в чем у Юрия Одинокого подход к "Ревизору" традиционен, а в чем — нет. Всю почти двухвековую историю постановок "Ревизора" режиссеры сталкиваются с дилеммой: на ком в спектакле делать акцент — на Городничем или Хлестакове. В XIX и самом начале XX века "героем" комедии был Городничий, в одном ряду со своими чиновниками олицетворявший уродливые черты самодержавно-крепостнической России. А в 20-х годах XX века акцент переходит на Хлестакова, образ которого режиссерами значительно укрупняется. Михаил Чехов, Эраст Гарин,

олицетворяет эту беду. В традиции прошлых постановок "Ревизора" — доминирующая тема страха: у чиновников — перед наказанием, у Хлестакова — перед разоблачением. В спектакле Юрия Одинокого тема страха — не главная. Его комедия не только о том, что у страха глаза велики, но и о том, что появление Хлестакова во многом разобразит жизнь уездного города. Наконец-то у Земляники, потенциального сексота (арт. Виктор Лысенко), появляется возможность реализовать себя, подсунив чиновнику из Петербурга компромат на коллегу, с которыми он живет и грешит бок о бок. Наконец-то Шпекин (арт. Александр Довготько) может оказаться в центре внимания, ибо раньше он в одиночку наслаждался чтением чужих писем, а теперь, делая это, как бы выполняет ответственное поручение. Наконец Анна Андреевна (эту роль исполняют Ольга Равицкая и Светлана Гужва) и Марья Антоновна (арт. Диана Малая) могут показать себя — и не какому-то Доброчинскому, а человеку, который "с Пушкиным на дружеской ноге". О страхе перед изобличением заявляется, но тема эта не развивается, она существует как бы на периферии сюжета. В конце концов, не в первый и не в последний раз в уездный городишко ревизор пожаловал: авось и сейчас "пронесет". Зато театром высмеиваются доведенные до абсурда формы подбострастия и лицемерия. Чего стоит блестящая режиссерская находка: дуэт Пристава (арт. П. Зинченко) и Свистунова (арт. М. Крушельницкий), когда оба полицейских в доме Городничего с умилением исполняют "Солнце низенько", услаждая слух пьяного Хлестакова!

Получил неожиданное, но вполне оправданное развитие образ Христиана Ивановича (арт. О. Руссол). Якобы незнание русского языка оказывается для него хорошо замаскированной формой шарлатанства и удобной позицией в компании чиновников. Хорошо продуманы Бобчинский и Добчинский (артисты Яков Кучеревский и Богдан Паршаков). Эти два плута не похожи на хрестоматийных помещиков, но по духу они, несомненно, гоголевские персонажи. Оригинально решена сцена дачи взяток Хлестакову, происходящая на фоне утренней зарядки Ивана Александровича.

Когда-то, очень давно, он был молод и крепок молодостью и крепостью хорошего металла. Когда-то ожидание доставляло ему огромное удовольствие. Он и жил-то ради ожидания. Ожиданием. А когда приближался редкий и оттого более прекрасный момент встречи с единственной, но всегда такой разной, от нетерпения и восторга, от возвышенного возбуждения он начинал даже гудеть. Тихонько, только ему одному и, может быть, еще Земле едва слышным, трепетным гулом.

Теперь, вспоминая этот свой юношеский, пылкий восторг (юность всегда восторжена, если только не цинична), он все опасливей глядел в Небо. Часы, месяцы, годы ожидания.

Высокие белоснежные Облака, низкие дождевые Тучи, свинцово-серые, лилово-синие... Сосчитать, сколько Туч и Тучек, легчайших перышек и ватных гор, видел он в долгую жизнь свою? Сосчитать невозможно. Да и мысли такой никогда не возникало.

Другое дело — Звезды. Эти блестящие булавочные головки, эти дыры, холодные просвечивающие сквозь черный дуршлаг ночного неба, гордые ночные соглядатаи, вы пересчитаны тысячи раз. Впрочем, вам это безразлично. Вечно и беспристрастно следите вы за теми, кто внизу.

А внизу, в русле узенькой, тихой улочки, текла другая жизнь. Внутри старых, обшарпанных домов, куда удавалось иногда заглянуть сквозь запленные до серого окна, на ухабистой дороге, где поверх раздолбанной брусчатки смурными, функционально-деловитыми дорожниками когда-то кое-как было брошено черное масло — асфальт. Тогда улица стала чище, аккуратнее, что ли. Строже. Но вскоре асфальт заелозили, он перестал быть маслом, превратился в корку, на которой вырос грибок грязи и мусора. Недолго боровшись с этой болезнью, корка местами облезла, как сгнившая на язвах кожа, обнажившая ткань, эти измученные камни бывшей мостовой, разъеденные тою же болезнью. Одно слово — раны.

Но что же жизнь? Жизнь на улице была суетлива и малопонятна. Люди в ней метались, громоздили что-то, что он бы назвал бессмыслицами, упрямо извращали все, что знали, чему их подолгу учили, учили... Не примером, впрочем, но словами. Каждый из них хотел только "сам" и непременно "себе". Но "сам" оказывался глуп и слаб. Так они и жили. Рождались под пристомотом звезд и вскоре умирали. А между рождением и смертью все кружили, кружили в небольшом своем хороводе и все глядели в землю, будто не было Неба над головой, будто звезды не ждали, что на них кто-нибудь взглянет и задержит взгляд... Однажды, не зная, что делают с людьми после смерти, он кощунственно смело предположил, что самое верное — закапывать их в Землю.

Иногда он пытался соединить, хоть бы и в себе, степенность, неповторимость небесных картин и однообразное мелькание земной жизни. В упорстве сравнения несравнимого, в попытках соединить эти два мира в один, как и должно, кем-то когда-то утраченной связью, он терял чувство реальности. Размывались и пропадали края собственного существования. Все менее ясен становился его смысл, все более непонятны предметы наблюдений. Необъяснимое происходило в эти мгновенья. Снова и снова приходил он к черте, за которой, возможно, и было понимание, и, всякий раз, вставая неизвестного, поглощающего, казалось, отступал. Отступал, так и не ответив себе, почему же две половинки одного мира живут порознь. Да, ни разу в жизни он не узнал ни одного ответа. Но зато сколь много вопросов ему было дано узнать!

Был ли он философом? По крайней мере, он был одинок. Чудовищно. Бесконечно. Как может быть одинок слепой, глухой и немой одновременно.

— Ах... Ну вот, — снова упустил какую-то важную мысль, о чем-то, равном устройству Мира. Позволявшую познать...

Теперь, когда он оставил надежду найти потерянную, возделенную связь, когда оставил такую близкую, но бесконечно далекую мечту самому стать этой жертвенной связью, все чаще стали из неведанного далека приходить таинственные мысли, значимостью своею большие, чем сама жизнь. Растворялись они, будто приглашая нырнуть вслед за ними, так же незаметно, как появлялись, в немислимо сокровенных глубинах души... Слово кто-то черной, беззвездной ночью на один сверкнувший миг лукаво приоткрыл завесу, скрывавшую яркую, пеструю, волшебную ярмарку, освещенную ослепительным летним Солнцем. Виделось все ясно и отчетливо, вот только вспомнить, что видел... Видел. И знаю. Вот и все. А потом еще до-олго тлел где-то в сердце огонек —

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

след того мгновения, когда ты знал всю Вселенную, все смыслы, всю механику Мироздания, когда обнимал собою весь Мир.

В такие минуты он страстно желал быть рядом с кем-нибудь, умеющим понять душу друга. И тем уже многое объяснить.

Но друга не было. Не было даже постоянного занятия, какое было у всех, кого он знал в повседневной жизни.

Все, что он мог, это ждать. И то, что не мешало ожиданию. Думать. Дремать. Днем и ночью паяниться в небо.

— Что там наш дурачок, по-прежнему длиннее всех?

— На то и дурачок. Гляди — ка-акие мы гордые. Ведь выше ж всех — куды там.

— Вот бы удивилась, если б до него вдруг дошло, что можно ж надломить этот длинный, никому не нужный шест. Сколько неприятностей из-за него пережил уж. Лупят его, лупят, а он дурак дураком — торчит выше всех, и все тут. Что ж так, правда, задаваться-то? Глупо ж, ей-Богу.

— Так ведь молния все ж мозги поотшибла. Кто ж это нормальный способен столько времени проводить без всякого дела? Ведь ничего же не делает. Стоит себе, и все. Сломали б его, что ли. Бездельник. Попробовал бы поддержать провода эти, вечно гудящие, днем и ночью. Когда кажется — нога все глубже врастает в эту сыляющую землю, а руки вот-вот сломаются под тяжестью металла и электричества. И так который год. Порой думаешь: "Скорей бы срок вышел — да на свалку". Пусть другой постоит кто, подержит. Хоть бы и этот. У-у-у — ненавижу!

— Что вы, сосед, что за настроение? Определенно, наш дурачок на вас тоску наводит. Конечно, не сахар — держать на себе такую огромную тяжесть, я вас понимаю в этом деле. Летом и сама каждую минуту сбрасываю плоды. Хоть немного. А так бы сломалась — верно вам говорю. А к осени и вовсе кажется: никогда боле не стану родить — такая мука их держать. Но, что бы вы думали? Проходит время, ветви поднимаются, сок в них бурлит, живет... И к весне уж подумываешь о цветах, о завязи...

— Зима, весна — разговоры одни. Ни минуты...

Это были соседи его — Столб Электросети и Большое Абрикосовое Дерево. Простые, хорошие ребята, только не понимавшие его. Как, впрочем, и другие соседи.

Вероятно, из-за своей тяжелой работы, от накопившейся из года в год, клонящей к Земле, как и людей, усталости они не придавали большого значения своим разговорам, а может быть, просто забывали, что сотни сотен раз уже говорили обо всем этом. Однако снова и снова возвращались к той же теме. Теме его глупости, его инакости.

Нет-нет, он не сердился и не обижался. Да и как на правду рассердиться. Он ведь действительно бездельник. И, скорее всего, действительно глуп. Иначе смог бы...

В разговоры он давным-давно не вступал. Оттого что ему не верили или не пони-

мали: в ожидании — томительном, мучительном, долгом — вся его жизнь. Объяснить отчаялся. Или не умел.

Так ли это просто? Отнюдь. Если вы никогда не глядели в небо, где, играя, удивительно бесшумно сшибаются лбами клубящиеся громады, а к ночи Художник подливает чернила в лазурь и наигрывает звенящую мелодию безмолвия, едва касаясь пальцами небесного свода. И от этих касающихся вскоре затеплятся мерцающие звездочки нот. Но вы, вы, ни о чем не думая, по-маленьку поднимаетесь все выше, выше, выше... И вот: эти разгоревшиеся уж ноты — прямо перед вами. Протяни руку — и пальцем коснешься звезды, если не боишься уколоться. Если вы никогда не чувствовали, как необыкновенно, бесконечно легки и

нежны прикосновения сияющих серебром облаков, не знали, что можно раствориться в них и в небе, как в себе... И вот оттуда вдруг вас бесцеремонно стаскивает какая-то, простите, визгливая Дверца... Еще раз простите, но для чего?

— Ги-ги... ги-гиблый кре-кре... кре-кре-тин. Ги-ги ги-ги...

— Зачем же вы так?

— Ги-ги... ги-ги...

Как объясните?!

Изящно опершись большими крыльями о воздух, черный Ворон схватил сильными когтистыми лапами верхнюю перекладину Антенны, которая что-то постоянно принимает (чего, в свою очередь, он не понимал): с ее слов, очень важное и архинтересное. Качнувшись вперед-назад, балансируя, подобно цирковому канатоходцу, Ворон громко каркнул, вытянувшись всем телом и растопырив крылья. Для пущей громкости, что ли. Будто звал кого.

"Беду кличет", — подумалось отчего-то. Когда-то он слышал такие слова. Когда? От кого? А Ворон взглядывал по сторонам, прислушивался — не ответят ли. И снова, вздыбив крылья, хрипло кричал. Раскати-стое "Кар-р-р" казалось зловеющим, страшным по сравнению с привычным писклявым "чивканьем".

На противоположном берегу улочки появился мальчишка с рогаткой в руках. Он крался, как кот, выбирая позицию, поглядывая вверх, на Ворона. У маленькой витрины ломбарда (в которой рядами белых и ровных, как зубы, букв тихо скалилась надпись: "Всегда рады Вашим проблемам") стрелок замер, натянул резину и...

Огромная гайка просвистела совсем рядом. Ворон подпрыгнул и, толкая крыльями воздух, заскользил прочь, не переставно бранясь, видимо, в адрес стрелка. Где-то в соседних домах, зазвенев, посыпались стекла. Детский плач, истошные крики. Затем все смолкло, и он почувствовал себя легко и спокойно.

Будто ничего не связывает его с Землей. Будто не заботит он в нее давным-давно на добрых два метра. Многие годы сыпавшийся ржавой, болезненной трухой сварной шов перестал беспокоить. А был ли он, шов, на самом деле?

— Поразительно, — снова думал он о своих соседях, сам не замечая, что больше не смотрит в небо, — поразительно, как мало я раньше понимал, насколько они все замечательны. Можно только восхищаться их трудом. Как хотел бы я чем-нибудь им помочь. Что-то полезное для них сделать...

— Смотрите!

— Смотрите все! Скорее!

— Да что случилось-то?

— Что, что?

— Что...

Вертлявый красавчик Флюгер, гордый своим знанием частей света и очень от этого важный, пальцем-стрелой указывал на Громоотвод.

— Ги-ги-ги-ги-ги... — зарзательно скрипела на ветру ржавыми петлями Дверца Слухового Окошка, которую оставили открытой две недели назад. С тех пор она очень редко умолкала, гогоча и всех задевая без всякого повода.

— Наконец-то, дошло...

— Дурак-то оказался не безнадежным.

— Давно бы так следовало...

— Давно бы так...

— Давно бы...

— Давно...

Под очередным порывом ветра старик Громоотвод не устоял и сломался.

Никто из соседей: ни Флюгер, ни Столб, ни Дымоход, степенно выпускающий из себя облачка то дыма, то пара, несущие в себе самые разнообразные запахи, — никто не понял, что злосчастный товарищ их просто умер.

Как обычно, не услышав ответа на свои колкости да колкие похвалы, общество вновь вернулось ко своим привычным делам, перебарываясь незначительными фразами, легонько поскрипывая на ветру. Все, как всегда, все, как обычно...

Только ветер понемногу крепчал. Уж не метался, как неприкаянный, а гнал весь воздух все на юг, на юг, на юг... Скоро и Туча появилась тонкой темной полоской на краю Неба. Набежала, выросла, клубясь, затянула все Небо своей сине-коричневой, акварельной мутой.

Дети удивительно точно умеют рисовать грозное небо — побольше красок смешать, да погуще, погуще... Красок не жалеть — тогда хозяйка грозы выйдет так, словно она сама, ее самая суть стекла, сползла невзначай, упала с неба на чистый лист бумаги. И вышла настоящей хозяйкой. Оттого хозяйка, что управляет бурей.

А Ветер? Нет, Ветер только шкодит. Ломает, рвет. Вот, неистово хлопая Дверцей Слухового Окошка, расколотил стекло. Влез в Дымоход, вдул назад в Дом дымы и запахи. Загудел в проводах, сляясь сорвать их со Столба.

Туча, любящая со стороны этим разбоем, копила мощь, готовила свое действие.

Еще, еще... Чем большую силу накопишь, тем сильнее будет удар, тем громче треск, будто рвется плотное полотно Ветра, при- молкает его жуткий вой. Вот когда все поймут главенство. Все. Один удар — и стылая кровь, цепенеющее тело... Туча знает об этом и копит, копит...

Вот уж полна. Не стерпеть больше. Мощь распирает. По огромному ее телу бегут дрожью искры, разряды. Ха! Что, мороз по коже? По позвоночному столбу? Нужно еще держать. Держать, сколько возможно. Еще, еще... Ну же... Ну!!!

— Шар-рах!!! О-о-о... Ф-ф-ф...

Огромная прекрасная Молния, сверкающая и ветвистая, гигантская, сказочная, отдаленно схожая с золотой жилой в странной легенде Эльдорадо, родилась и низринулась в жизнь. В короткую, но грозную своей стремительностью и мощью.

Скорее! Неисчислимой силой своей поделиться с ним. Он с радостью ждет, как обычно, и с радостью примет. Легко и свободно скользнет она сквозь все его тощее, длинное тело, только ей одной принадлежащее, и блаженно уйдет в Землю. Он проводит ее.

Молния стремительно неслась к Земле. Земля летела ей навстречу. Где тут оглядеться, да и зачем? Вон там ее друг. Ближе, ближе...

— Что же ты не встречаешь? Будто и не рад вовсе, будто не ждешь!

Догадка или знание? Неважно. Ясно, что все кончено. Она несла ему столько силы, столько силы... Все ближе Земля. Летят навстречу точки, квадраты, треугольники каких-то предметов. Незнакомых, невиданных. Кого же выбрать? Как выбрать? Поздно. Не успеть.

Она не стала смотреть вперед, не стала выбирать, распахнула объятья своих бесчисленных рук-ветвей и еще стремительнее бросилась вниз...

Константин ПЕТРОВ.

Молока парного несут овцы, по мосточку ведет их козел — где она стоит, лепешки раскалывая по раскаленным стенкам лона своего — подводит, и дышит сытостью Земля.

От жизни смерть начинается. От холода жар.

Я смотрю никуда. Ниоткуда ты отвечаешь. Любовь вокруг. О Ангелы белые — завьюжили, приспав, согрели. А там и весна поспела. Облизнула сосульку и развевалась каплей Быстро стаяла твердость. Недостаточно весне любви. Лишь бремя прорастающее сквозное земляное — на Божий Свет. И — небо раздвинулось, приняло младенца, не по дням растущего, созревающего для жатвы.

И с тобой — так. И тебя — Свет примет.

Свет Есть Пожар, в котором ни души...

Сбыться — готов ли ты?

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ.

НЕБО — ЗЕМЛЯ — НЕБО

ЭРОТИЧЕСКАЯ ЮЖНАЯ ПОЭМКА

Быстро-быстро раздвигая губы ее, язык внедряется в рот и живет непонятной жизнью, словно ящерка бежит из-под солнца в обволакивающую глубину земли, прихватывая цепкими пальчиками улыбку, зубки, постепенно всю выворачивая там, в ее же глубине, и вворачивая, как лампочку, в темную бесконечность ее самой, пока не вспыхнет, осветив подземелья свои, где оказалась в сытой влажности вулкана, извергнувшего лаву и вся вокруг испепелившего. Разве ЭТО поцелуй?

Голова у него — дыня лысая, сам неприглядный, фигою пахнет, городом Арциз Одесской области.

Громоздятся вокруг холмы да овраги, и

там овцы топчутся, а козел ведет их по-над речкой к мостику.

Там и стоит он. Дыня его на солнце пеке сияет. Холщовая рубаха на нем и джинсы — вместо порток. Ноги босы, узки губы, вроде и нет вовсе, вот языком и целует.

На вкус пробует.

Тихий день склоняется к вечеру, облака побежали, в ночь густились. Дождь пролился и, бормоча на языке степи, где горизонт белым калением рвется, а самолета, инверсионный след прочертившего, помин пропал, пустотой застыл отвесно. Но и горизонт исчезает во тьме, голос доносится из ниоткуда, не говорит ничего. Она же смотрит никуда — тьма глаза съела.

— Что, это что топчет, вспарывая слепоту, это в нее вошел он, ищет, где бы вкусить,

да в суете не находит, в суете сладости пути, и взлетает самолетом, горизонты раста- нувшим между небесами неземными и зем- лями беспредельными. Идет она по линиям, и годочки ее с нею. Он, без возраста и улыбки воспарив, рассеивается, навсегда застре- вая между нею и дитятей, чтобы струиться трепетом души ее вызывающей — где ты, куда дитя за собой по свету? А он исчез, что- бы сыном своим и сына сыном дотянуться однажды и встретиться, победив ожидание.

Холод вспарывает пожар. Свет низвер- гая, гасит тьму.

Он в глубине ее, слово пробуя на вкус, взглядом побелел. Тонок язык его, словно ящеркин. Бережен, непереводам язык его ангельский. Слово о чем его? О покое покойное слово. Ниоткуда из в никуда.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N . газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.